

Во сне он вернулся в современный мир.

Перед глазами стоял его собственный посмертный портрет в руках младшего брата. Кругом застыла толпа в траурных одеждах, у всех на груди белели цветы... Похороны? Неужели его хоронят?

Да, он действительно погиб. Иначе как бы он увидел собственный гроб?

Мать безутешно рыдала, отец стоял бледный и онемевший от горя, а младший брат... он молчал еще тяжелее отца, намертво вцепившись пальцами в траурную раму.

Затем пришло руководство. Перед поминальным алтарем торжественно зачитали приказ о присвоении ему звания павшего героя, передали родителям ордена, почетные грамоты и... крупную денежную компенсацию.

Мать перестала плакать, отец словно очнулся от оцепенения. И лишь младший брат яростно оттолкнул протянутые награды и деньги:

— И зачем всё это теперь?! Брата нет... Понимаете, его больше нет! Он ведь даже жениться не успел, любимого человека не встретил! Кому нужны эти бумажки и медали?!

Дин Тянь смотрел, как брат кричит и бьется в истерику, как родители пытаются его урезонить, но в итоге всё равно забирают компенсацию и награды.

А потом... Родители хотели на эти деньги купить младшему сыну квартиру, но тот наотрез отказался. Вместо этого он с головой ушел в учебу, выбил стипендию, поступил в отличный университет и устроился на хорошую работу. Со временем он продвинулся по службе, заслужил чин, на собственные сбережения купил дом и женился на прекрасной девушке. У них родились двое сыновей, и одного из них брат официально записал на имя Дин Тяня, чтобы продолжить его род. Каждый год он приводил сыновей и племянника к мемориалу, чтобы зажечь благовония.

В глухие ночные часы, когда весь дом засыпал, брат бережно доставал его старую фотографию и тихо, едва слышно шептал: «Брат...»

Только теперь Дин Тянь понял, что младший вовсе не был к нему равнодушен. Обычный подростковый бунт, не более того.

Но теперь, когда его земной путь окончен, пришло время отпустить прошлое.

Он видел, как старились и уходили родители, как брат провожал их в последний путь. Хоть похоронили их на том же кладбище, сам Дин Тянь покоился на аллее героев, а отец с матерью нашли приют чуть поодаль, в обычной семейной могиле.

Старый родительский дом со временем снесли под застройку. Брат получил щедрую компенсацию и объединил её с той, давней выплатой за гибель Дин Тяня, отложив всю сумму для приемного сына — того самого мальчика, который унаследовал имя погибшего дяди.

Когда брат, уже седой старик на пенсии, привел к его надгробию маленького внука, в душе Дин Тяня наконец воцарился глубокий покой.

Главное, что у брата жизнь сложилась счастливо. Этого было более чем достаточно.

Во сне пролетели десятилетия, но когда Дин Тянь открыл глаза, оказалось, что прошла всего одна ночь.

«Сон о золотом просе?..»

Дин Тянь почешал затылок.

«Наверное, теперь я действительно... Дин Тянь».

Отныне и навек он — Дин Тянь. В конце концов, он ведь давно принял это решение.

Юноша поднялся с постели, прибрал постель, переоделся и умылся. Вскоре заглянула вторая тетушка с завтраком:

— Вечером приходи к третьему дяде, там поужинаем.

— Хорошо, приду, — кивнул он.

Его сегодняшний завтрак состоял из миски наваристой рисовой каши, пышного ржаного пампушка, тарелки соленых овощей, сдобренных кунжутным маслом, и пиалы ароматной соевой пасты с мясным фаршем. К этому великолепию прилагались два вареных гусиных яйца.

Проводив тетушку и сытно позавтракав, Дин Тянь снова устроился за письменным столом у окна. Он продолжил кропотливо выводить линии на чертеже — плане небольшого дома, который задумал построить для себя.

Диплома архитектора у него не было, но набросать простой эскиз и распланировать уютную усадьбу-сихэюань ему вполне хватало умений. За этим занятием незаметно пролетел весь день. Стоило ему нанести последние штрихи, как пришло время ужина.

Пора было собираться к третьему дяде.

С пустыми руками идти не хотелось, поэтому он захватил с собой те самые две золотые шпильки, что вернула семья Чэнь после расторжения помолвки.

— А, Тянь-эр пришел! Еда почти готова, проходи в дом! — встретила его у дверей вторая тетушка. Она помогала на кухне третьей тетушке, которая всю хлопотала у очага.

— Добрый вечер, — улыбнулся Дин Тянь и переступил порог.

Усадьба третьего дяди состояла из двух внутренних дворов. Прочные дома из серого кирпича выглядели основательно. Поскольку у него было много пахотных земель, во дворе красовались сразу три вместительных амбара. Для здешних крестьян полные закрома были лучшим залогом спокойствия: есть зерно — не страшны никакие невзгоды.

К тому же в его хозяйстве имелось целых три тяглых вола, что по деревенским меркам считалось признаком недюжинного богатства.

Войдя в теплую комнату, Дин Тянь увидел второго и третьего дядей. Они примостились на кане, неторопливо грызли семечки и о чем-то толковали.

Дин Тянь прислушался. Мужчины обсуждали весенние полевые работы. В этом году уезду предстояло выплатить немалый налог, поэтому к выбору культур нужно было подойти с умом: помимо основного проса следовало засеять часть наделов соей, красной фасолью и прочими зернобобовыми.

— Да, Тянь-эр, — вдруг спохватился второй дядя, — ты когда на службу заступаешь? Может, нужно подготовить какой-нибудь гостинец для господина уездного судьи?

<http://bllate.org/book/19387/1973029>